Тургенев, Французский музей въ Парижѣ. Музей одинокъ, въ самой маленькой квартирѣ - музей на улицѣ de Marignan, какъ сказала провожать меня свою дочерь жить (А. Ф. родился въ 1845 году). Были у А. Ф. Онѣгина друзья — Жуковскій (своих лѣтъ); Пантеева, Тургенева, были приятельницы въ людяхъ, но главною привязанностью его были не люди, а русская литература и ея сайтовъ солнце — Пушкинъ, и вѣчной привязанности А. Ф. Онѣгинъ посвятилъ всю свою жизнь, были вѣрными рыцарями своего культа. И, умирая, думая только объ одномъ, объ единственномъ своей жизни — о создателѣ имъ музей, о судьбѣ этого культурного русскаго сокровища въ сердцѣ Франціи.

Многіе перебывали за послѣдніе 44 года въ помѣщеніи около Champs Elysées, многіе историческіе французскіе камергеры русской литературы, съ такой любовью собранными и оберегавшимися интересными владѣльцемъ, не пользовавшимъ своимъ посѣтителямъ дотрагиваться до рукописей и книгъ — его святыни, и многіе помнятъ рыцаря — Онѣгина (какъ онъ любилъ себя называть, прибавляя эпитетъ « скучный »). Помянетъ и русская наука его, Онѣгинъ знатокъ Пушкина, помянетъ и пожелаетъ его имя въ книгѣ тѣхъ, кто сохранилъ и дѣятельно потрудился для нея.

Пишущій эти строки въ теченіе года проходилъ у А. Ф. Онѣгина ежедневно по 5 - 6 часовъ за работой надъ описаніемъ его богатаго музея и снятіемъ копій съ его дѣловитъ матеріаловъ: я писалъ, а Онѣгинъ, сидя въ креслѣ, съ 5 - 6 часовъ говорилъ — разсказывалъ о своей жизни, о своихъ встрѣчахъ; говорилъ о Жуковскомъ, о Тургеневѣ, о Пантеевой, о Дантесѣ-Гекерей; говорилъ о своихъ болѣзняхъ и посѣщеніяхъ; но всѣ разговоры неизмѣнно переходили на Пушкина, на музей и его вѣдую смерть, которой онъ боялся — не для себя, не за себя, а для музея, за музей, который, какъ ему казалось, погибнетъ съ его смертью (послѣдніе годы его имѣли оттѣнокъ болѣзненнаго характера). Онъ помнилъ Онѣгина (особенно объ его литературныхъ встрѣчахъ) и можно и должно было бы составить книгу. Но сейчасъ, когда мертвое тѣло лежитъ въ той же, теперь осиротѣвшей квартирѣ, не до разсказовъ о другихъ.

О жизненномъ подвигѣ А. Ф. Онѣгина, о дѣлѣ всей его жизни мнѣ уже отчасти, нѣсколько, приходилось говорить и раньше; надлежитъ вернуться къ этой теѣ въ ближайшіе дни, когда улягется волненіе, и мысли о немъ вернутъ въ порядокъ. Теперь же, сейчасъ хочется сказать нѣсколько, можетъ быть, и несвязанныхъ словъ о жизни этого замѣчательнаго человѣка.

А. Ф. Онѣгинъ считалъ, что онъ родился въ Петербургѣ въ декабрѣ 1845 года, но не зналъ своихъ родителей и воспитывался крестной матерью — графой Отто, фамиліи которой онъ носилъ (къ 60 - мъ годамъ онъ могъ называть себя Онѣгинымъ — именемъ героя вдохновившаго его произведенія полубѣднаго автора). Судьбѣ угодно разнесть его имя на гимназической скамьѣ И. В. Жуковскаго — друга на всю жизнь, который и матеріально помогъ ему и сыномъ своимъ. Пакетъ съ рукописями Пушкина, библіотека и архивъ Жуковскаго положили основаніе Пушкинскаго музея. Вскорѣ по окончаніи гимназіи, — въ 1866 году А. Ф. Онѣгинъ уѣхалъ въ Парижъ и съ тѣхъ поръ рѣдко бывалъ въ Россіи, а съ 1880 года и навсегда поселился въ Парижѣ, въ той самой квартирѣ, 25, rue de Marignan, въ которой и умеръ. Педагогъ въ душѣ, А. Ф. Онѣгинъ любилъ дѣтей, бережно относился къ нимъ, говорилъ съ ними и отдавалъ всю душу дѣлу воспитанія: до послѣднихъ дней, каждый день приходилъ на общественныя дѣтскія сборища и обращенія музея, и принимая безрадостныя, одинокая старость, безнадежная и больная. Особенно мучительны были послѣдніе три года, когда А. Ф. почти не вставалъ ногами, весь день сидѣлъ у окна и думалъ свою безпокойную думу, властелиномъ которыхъ онъ уже не бывалъ прежде.

Онѣгинъ посѣщалъ театръ. Вмѣсто того, чтобы говорить, попеліи себѣ пріисхетъ стихотворенія одного - поэта - знакомаго автора 1923 года въ альбомъ А. Ф. Онѣгину эти строки:

Въ Вашихъ комнатахъ такая старина:
Книги, книги, полки и портреты,
Духъ вѣковъ имѣетъ глубина
Вѣчъ вручила сайтовъ завѣты.

Это Вы, хранитель дивныхъ строкъ,
Пать столомъ склонили Ваши думы.
Острый взглядъ Вашъ углубленно строгъ,
И перой Вы живетесь угрюмымъ.

Ночи, дни, всегда мечта одна.
Всѣ годы къ одной великой цѣли,
И для насъ прекрасно рѣдѣли,
Желтыя отъ вѣка листвены.

И теперь спокойно у окна
Вы сидите города движенье,
А у васъ такая тишина
И покой прекрасный достиженья.

А теперь на рю де Марильякъ — тишина смерти; никто не сидитъ за столомъ у окна, и только музей, картины, книги, рукописи говорятъ о томъ, что не умретъ имя того, кто собралъ и сохранилъ въ для русской науки.

М. Л. Гофманъ

„Современныя записки"

КНИГА XXIII

Очередная книга « Современныхъ Записокъ » — на рѣдкость удачна. Такъ удачна, что, какъ въ смыслѣ богатства содержанія, такъ и — качества матеріала, она могла бы удовлетворить строгимъ требованіямъ эпохи расцвѣта толстыхъ журналовъ въ Россіи. Въ нашихъ условіяхъ — « кусочка Россіи » — это достиженіе отличное. Но особенно замѣчательно то, что и иначе значитъ — рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о литературномъ отдѣлѣ книги — точно все тѣ же, что и въ « Русской Мысли », « Вѣстникѣ Европы », « Мірѣ Божьемъ » и пр. Это послѣднее обстоятельство должно и радовать, и печалить. Радовать — потому, что мы лишній разъ убѣждаемся въ неизмѣненности литературистическихъ разговоровъ о творческомъ безсиліи русскихъ писателей, которыхъ большинство отрекаетъ отъ реализма, Бунина, Шмелева, Ремизова, Зайцева, Гиппіусъ, Ходасевича — всѣ они работаютъ, пишутъ, какъ работали и писали на родинѣ, и поскольку рѣчь идетъ объ ихъ произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ послѣдней книгѣ нашего единственнаго по чудовищу толстаго журнала, поскольку дѣлью идетъ объ ихъ лучшихъ, единственно возможно — рать о признакахъ упадка ихъ творчествѣ. Но и печалить сознаніе, что дорогимъ нашимъ литераторамъ нѣкуда ихъ дѣвать — ихъ лучшихъ лицъ. Отсутствіе всякаго вниманія свидѣтельствуетъ, очевидно, о томъ, что если наши старые пайщи не утратили на полѣ заграницей, то полѣ разрѣшаются на ней съ трудомъ. Особенно комъ стоитъ Алдановъ. Его собственно говоря, нельзя назвать отнести и — « старымъ », но къ « новымъ ». Онъ дебютировалъ еще до революціи, но бесспорнымъ, тонкимъ историческимъ романистомъ онъ стать, кажется, лишь въ эмиграціи. Алдановъ, однако, предлежитъ то исключеніе, которое дѣлаетъ правило особенно убѣдительнымъ. Вся его литературная индивидуальность — скорѣе интернаціональна, чѣмъ національна. Какъ писатель, онъ — столько же французъ, сколько и русскій — быть можетъ, даже больше французъ, чѣмъ русскій. Онъ вовсе не нуждается въ перечнѣ проблемъ національнаго быта, какъ въ необходимой атмосферѣ. Для работы. Его стимулы — иные. Въ творчествѣ его и истинно сказывается принципъ мастерства на отъ. Онъ — есть есть найти, которые лишно распускаются именно на экзотической почвѣ...

Новѣсть И. Бунина « Митина любовь » могла бы быть написана и въ Россіи, Время и мѣсто дѣйствія — довоенная Москва — объ этомъ свидѣтельствуютъ и автобіографическія нотки (« Клим Кулдаш у Пречистенки нѣсколько теней Серебряного, « Мити проходилъ Клим на стуліи Художественнаго театра »), и общая атмосфера разнообразно литературно-гвардейной богемы. Но какъ всякое значительное художественное произведеніе, повѣсть Бунина перечитывается раза два и трижды. И Мити, и Клим — общечеловѣки, какъ общечеловѣки — любовь и ревность. Мити — стихотворцы — прочитаешь. Они подобны Климу — не найти нигдѣ бывшаго Клима. Они — не могутъ не любить въ конечномъ счетѣ — и всѣхъ — и всѣхъ — и всѣхъ

умершего воспитанника — Терешенка. Педагогическая деятельность не убила в нем рыстранных его, в общении и гуманизма, установила. Въ одномъ писмѣ къ Тургеневу онъ пишетъ, что у него «странные разстроены нервы», и потому онъ хочетъ «Для успокоенія» занятіемъ воспитанниемъ маленькихъ дѣтей. Болѣзнь сильнѣйшій, мнительно-самолюбивый, А. Ф. Онѣгинъ долго не хотѣлъ знакомиться съ «знаменитымъ писателемъ» Тургеневымъ, но П. В. Жуковскій настоялъ на своемъ и познакомилъ его съ «знаменитымъ писателемъ». Тургеневъ обѣдалъ съ Онѣгинымъ и любилъ разсказывать объ упрямости своего молодого друга: пусть Онѣгинъ поѣдетъ въ Парижъ и встретъ подмѣнной какие-то русскіе журналы: попадается интервью какой-то русскій м. умный русскій книги, радостно воскликнетъ: «а, вы русскій, какъ я радъ». — «Ну и русскій, отвѣчаетъ сухарно Онѣгинъ, — что же тутъ радоваться». Въ, знаешь А. Ф. Онѣгина послѣдніе годы, знаешь его, какъ очень рѣдкаго и несравненнаго человѣка; такъ онъ былъ всегда, но всегда этой дѣтскостью, полнымъ наивности, сдержанности очень большая, почти женская чувствительность и нѣжность, — такъ точно, какъ его иногда чрезмѣрно откровенныя слова и анекдоты за кромѣ собою глубокое и истинное цѣломудріе.

Я недавно упоминалъ имя Тургенева. Тургенев сохранилъ намъ образъ А. Ф. Онѣгина, какимъ онъ былъ въ 70 — 80 годахъ, и сохранилъ двояко — и въ своемъ романѣ «Новь» (А. Ф. Онѣгинъ послужилъ прототипомъ Нежданова), и въ своихъ письмахъ къ покойному. Приведемъ начало перваго письма Тургенева отъ 8 — 20 января 1870 года: «Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо, любезный Онѣгинъ (кстати, скажите мнѣ Ваше имя и отчество: я, кажется, забылъ). Мнѣ очень пріятно, что Вы вступили со мной въ переписку; но Ваше душевное состояніе меня не удовлетворяетъ. — Не потому, что оно мрачно и разрушительно — это ничего; но безпросвѣтно въ Васъ мало. Своею наружностью и нѣкоторыми чертами характера Вы мнѣ напоминаете Бѣлинскаго; но тотъ былъ молодецъ, пока болѣзнь его не сломила. Самолюбивъ онъ былъ такъ же, какъ Вы; но онъ не истреблялъ самого себя — и главное: онъ никогда не безпокоился о томъ, что объ немъ подумаютъ, такъ ли его поймутъ и т. д. — Онъ шелъ полнымъ хмѣлемъ впередъ, радостно и рѣзко высказывалъ, что думалъ — а кто его не понималъ — или понималъ ложно — ну и наплевать. — Вотъ этой-то безпокойности и желалъ бы Вамъ побольше. И не говорите Вы мнѣ, что это въ Вашемъ положеніи невозможно, что вы сознаете поставленныя цѣли и недостатки человѣка образованнаго, самостоятельнаго, внутренне свободнаго — но этому самому — наконецъ въ тысячу разъ болѣе интересно, нежели дожечь положеніи, чѣмъ человѣкъ съ нормальнымъ устроенной обстановкой и съ темной или спутанной головой. Правда, для того, чтобы легче сносить жизнь, нельзя хорошо имѣть игрушку, которая бы забавляла, согрѣвала, отвлекала: бѣдный ничтожный предметъ — пускай — у Васъ не есть можетъ быть; но за то у Васъ есть одушевленность дѣятельности общественной, что и отвлеченной, но полезной, и пониманіе и и примѣненіе съ тѣмъ этого у Бѣлинскаго не было. Да и наконецъ — единственная вещь, интересная для Вашего года — это любовь: а Вы сказано тамъ, что Вы, безпокоитесь: бросьте вы это къ чертуту или тоже самое рѣзко почаще».

Приведемъ еще двѣ краткія выдержки изъ писемъ Тургенева: «... Оторвитесь тамъ видѣть что Вы все еще висите не можете добиться надлежащей типичности и выразить... Полюбите Вашъ, какъ вообще всѣхъ полезныхъ русскихъ (разумѣется, я не говорю о служащихъ и бѣгущихъ бѣлуштки) — очень тамъ: — плавно принимаемъ стихи П. С. Аксаковой: «Когда же ты пробудишь, о молодость, о святое время ...» — Не протаяъ рожна нечего перетъ ...»

Тургенев ошибался: безпокойность, нервность, хандра не были принципомъ молодости Онѣгина, — такимъ онъ остается и до старости, и только 23 марта 1925 года — добился «надлежащей типичности». Послѣдняя оцѣнка Тургенева А. Ф. — на только тогда, когда послѣдній ухаживалъ за умирающимъ писателемъ, какъ иногда поступаетъ свою любящую, заботливую няньку и молодой Терещенко...

Въ А. Ф. Онѣгинѣ была писательская жилка и несомѣнный критическій талантъ, унаслѣдованный Тургеневъ: «Кстати — по поводу Вашего высмѣиванія» — писалъ Тургеневъ, — «я не вѣрю, чтобы Вы не занимались литературой — я не нахожу въ себѣ въ портретѣ разнаго кой-чего — у васъ и почеркъ литературно критическій. Пришлите — не что нибудь мнѣ — я вамъ дамъ слово, что скажу Вамъ самую сущую правду. — А вѣдь это можетъ быть полезно — для умѣнья будущей дороги — или хоть для избѣжанія напрасныхъ попытокъ. Полумайте — въ объ этомъ предложеніи». Онѣгинъ — не нижъ Тургеневу. Правда, перу его принадлежатъ нѣсколько статей (послѣдняя — съ очень занятными выпусками — въ № 1 «Грядущей Россіи» 1920 года объ отрывкѣ изъ «Египетскихъ Ночей» Пушкина), но не въ этомъ статьяхъ работа Онѣгина и значеніе его литературы и образованія журнала, и принцы безрадостная, одинокая старость, болѣзненная и больная. Особенно мучительны были послѣдніе три года, когда А. Ф. пытался вставать нагами, весь день сидѣлъ у окна и думалъ свои безнадежныя думы, властелинъ которыхъ онъ уже не бывалъ порою. Онѣгинъ послѣднихъ лѣтъ. Вѣдь то того, чтобы говорить, поэтому себѣ привести стихотворенія одного поэта, записанныя лѣтомъ 1923 года въ альбомъ А. Ф. Онѣгину эти строки:

Въ Вашихъ комнатахъ такая старина:
Книги, книги, полки и портреты.
Духъ вѣковъ витаетъ глубина
Вѣмъ вручила свѣтлые завѣты.

Это Вы, хранитель дивныхъ строкъ,
Надъ столомъ склоняли Ваши думы.
Острый взглядъ Вашъ углубленъ строгъ,
И порой Вы кажетесь угрюмымъ.

Ночи, дни, всегда мечта одна.
Всѣ годы къ одной великой цѣли,
И для васъ прекрасно удѣлъ,
Желтыя отъ вѣка письмена.

И теперь спокойно у окна
Вы сидите города движенье.
А у васъ такая тишина
И покой прекрасный достиженья.

А теперь на ро де Марьинъ — тишина смерти; никто не сидитъ за столомъ у окна, и только музей, картины, книги, рукописи говорятъ о томъ, что не умретъ имя того, кто собралъ и сохранилъ для русской науки.

— М. Л. Гофманъ

ВѢСТИ ОТОВСЮДУ

— Агентство «Ассоціенъ Телеграфъ» подтверждаетъ слухи о предстоящей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стачкѣ американскаго посла въ Парижѣ Гериша. Наиболѣе вѣроятнымъ преемникомъ его агентство называетъ ген. Першинга.

— Предполагаетъ устроить спеціальный путь для автомобилей между Берлиномъ и Аахеномъ (Экс-ла-Шапелль). Путь пройдетъ черезъ Кельнъ, Дюссельдорфъ и Гановеръ.

— Въ состояніи здоровья принцессы Шарлотты, вдовы разстрѣляннаго мексиканскаго императора, наступило улучшеніе.

— Бельгійскій Верховный Комиссаръ въ Рейнаніи, баронъ Роланъ Жаномъ покинетъ свою пость.

— Въ нѣкоторыхъ ирландскихъ провинціяхъ вспыхнулъ безпорядокъ въ связи съ роспускомъ новаго парламента. Поднятъ вопросъ объ отсрочкѣ новыхъ выборовъ, назначенныхъ было на 23 мая.

— Турецкое правительство обратилось къ союзнымъ державамъ съ нотой, въ которой вновь выражаетъ пожеланіе, чтобы ихъ дипломатическіе представители по-прежнѣ пребываніе не въ Константинополѣ, а въ Анкорѣ.

— Германское правительство, согласилось на условіи подписанной 30 августа 1924 г. конвенціи съ Польшей, предоставляетъ всѣмъ жителямъ Германіи, опинорованнымъ польское подданство, покинуть до 1 января территорію страны. — Въ случай неявыдачи въ срокъ, означенныя лица будутъ насильно высланы изъ страны. Распоряженіе германскаго правительства затрагиваетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

—По словамъ «Б. Ц. ами Миттагъ», число рожденій въ Германіи уменьшилось по сравненію съ довоенными временемъ, на 30 проц. Значительно уменьшилось также количество браковъ.

— Чехо-словацкій парламентъ вотировалъ новый квартирный законъ, предоставляющій право домовладѣльцамъ повысить квартирную плату въ 1925 г. на 10 проц., въ 1926 г. — на 20 проц. и въ 1927 г. — на 30 проц.

— Въ Софіи скончался видный писатель и публицистъ д-ръ Брандзаръ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ о политической исторіи Болгаріи.

— При большомъ стеченіи публики вчера состоялось открытіе 6-й Брюссельской ярмарки.

— Стачечный комитетъ шахтеровъ въ Новой Шотландіи (Канада) отказался принять пособіе профинтерна въ размѣрѣ 1.000 ф. ст. Комитетъ мотивируетъ свое рѣшеніе тѣмъ, что принятіе субсидіи могло бы неблагопріятно отразиться на сборахъ въ домиціонахъ въ пользу стачечниковъ. Московское данніе истолковано было бы, какъ желаніе вовлечь шахтеровъ въ большевистскую орбиту.

— Въ Нюрнбергѣ состоялись коммунальные выборы. Соціалисты выиграли 11 мѣстъ, коммунисты потеряли 4 мѣста.

— По официальнымъ свѣдѣніямъ, на 16 марта зарегистрировано было въ Англіи 1.219.200 безработныхъ — на 125.089 болѣе, чѣмъ въ это же время прошлаго года.

РЕЛИГІОЗНЫЯ СОБЕСѢДОВАНІЯ.

31 марта, въ 8 ч. полов. час. веч., въ помѣщеніи по 5, Ямскъ Поля Бурбонъ, Н. С. Арсеньевъ прочтетъ докладъ на тему: «Исканія вѣчной жизни».

ХЛѢБНЫЙ КРИЗИСЪ

Съ хлѣбомъ необыкновенно не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. О томъ, что происходитъ въ первопрестольной предоставляетъ судить по горькой вокзалкѣ въ «Правдѣ».

«Въ послѣдніе дни въ нѣкоторыхъ государственныхъ и кооперативныхъ хлѣбопекарняхъ наблюдались большія очереди гражданъ, покупающихъ ржаной хлѣбъ.

Причиной этого явилось сокращеніе выпечки ржаного хлѣба частными хлѣбопекарнями, вызванное перебоями въ снабженіи ихъ мукой со стороны частнаго рынка.

Были приняты мѣры къ немедленному увеличенію выпечки хлѣба государственными и кооперативными хлѣбопекарнями. Увеличеніе выпечки до 30 проц. все-таки не удовлетворило весь спросъ.

Могубвнутторгомъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію перебоевъ въ снабженіи Москвы ценнымъ хлѣбомъ, въ томъ числѣ по снабженію крупнаго, артельнаго и организованнаго частнаго хлѣбопеченія до статочнымъ количествомъ ржаной муки. Одновременно приняты мѣры къ дальнѣйшему увеличенію выпечки ржаного хлѣба кооперативными и государственными хлѣбопекарнями.

Въ результатѣ этихъ мѣръ ожидается сниженіе цѣнъ въ частныхъ хлѣбопекарняхъ и приближеніе ихъ къ нормальнымъ.

Въ настоящее время на складахъ основныхъ заготовителей въ Москвѣ имѣется 1.619.000 пудовъ ржи и ржаной муки и 2.481.000 пудовъ пшеницы и пшеничной муки. Это обезпечиваетъ снабженіе Москвы и губерніи полностью въ теченіе полутора мѣсяцевъ. Кромѣ того, продолжается регулярный подвозъ хлѣба въ Москву, гарантирующій полное удовлетвореніе спроса и сохраненіе запаса».

ОТРЕЧЕНІЕ РАВВИНА

Въ нашей еврейской газетѣ «Вечеръ» опубликовано письмо новозыбковскаго раввина Манеса, въ которомъ онъ заявляетъ что снимаетъ съ себя позорное званіе раввина, такъ какъ принятъ къ убѣжденію, что религія является злѣйшимъ врагомъ народныхъ массъ и особенно пролетаріата. Это первый случай снятія съ себя сана раввиномъ въ Совѣтскомъ Союзѣ. Манесъ занималъ должность раввина въ теченіе 20 лѣтъ.

ГОЛОДЪ НА УКРАИНѢ

Изъ Харькова «Правдѣ» сообщаютъ:

«Рабочей инспекціей произведено обслѣдованіе недородныхъ районовъ — Сумскаго, Харьковскаго и Купянскаго округовъ Харьковской губ.

Въ многихъ мѣстахъ наблюдается острый недостатокъ продовольствія. Крестьяне, отказавъ за судьбу весенней посѣвной кампаніи, израсходовали часть продовольственнаго зерна для посѣвъ опыта кампа.

Недородъ прошлаго года подорвалъ крестьянское хозяйство и отразился, прежде всего, на скотоводствѣ. Въ Изюмскомъ округѣ количество рогатаго скота за послѣдніе полгода уменьшилось на 12 проц., а количество лошадей — на 20 проц. Въ настоящее время скотъ кормится только соломой. Крестьяне продолжаютъ продавать скотъ».

Для усиленія борьбы съ голодомъ въ недородныхъ мѣстахъ отесскимъ губернскомъ холдействуетъ объ отпускѣ средствъ на общественныя работы, тягловую помощь и по скорѣйшемъ обложенія, одолженныя мукой. Харьковскій Окружкомъ въ связи съ наличіемъ въ городѣ 18 тысячъ безработныхъ и ихъ дальнѣйшаго притока изъ недородныхъ мѣстъ холдействуетъ о скорѣйшемъ отпускѣ ассигнованныхъ 160 тыс. рублей на общественныя работы, организуемыя въ первую очередь въ недородныхъ районахъ.

КАКЪ ПРОИСХОДИЛИ ПЕРЕВЫБОРЫ

Рѣчь идетъ о перевыборахъ послѣдняго времени, когда партія потерпѣлась «лишомъ въ перенъ» и т. д. Ниже слѣдуютъ выдержки изъ писемъ, присланныхъ въ «Правду» послѣ перевыборовъ:

«1) «Собрали собранія по деревнямъ, — пишетъ красноармеецъ Черезполозовъ, — всѣ высказались за одного, а послѣ почему то оказался другой. Говорятъ, избранный отказался и на самомъ дѣлѣ его заставили это сдѣлать.»

2) «Населенію о днѣ выборовъ заранѣе не объявляютъ. Потомъ какъ то сразу собрали и предложили голосовать списокомъ. Кое-кто пытался протестовать, да на нихъ прикрикнули — они и замолчали».

3) «Перевыборы происходили въ разгаръ крестьянскихъ работъ... Избушка маленькая. Тѣсно. Жарко. Рѣчень, какъ въ бѣлѣ. Многіе не дожитались голосованія — уѣхали. Надо перевыборы проводить весной».

4) «Стали выбирать сельсовѣтъ. Назвали кандидатовъ. Попушчаю, а потомъ рѣшили голосовать. Предсѣдатель предложилъ голосовать только «противъ». Крестьяне не смѣли противъ голосовать, и выборы прошли. Прошелъ, между прочимъ, въ сельсовѣтъ б. торговецъ Мальцевъ».

И такъ въ рядѣ районовъ».

О РОСТѢ СОВ. ПЕЧАТИ

Не такъ давно московскія газеты съ большимъ апломбомъ говорили о ростѣ сов. печати. Неуклонно увеличивается тиражъ, растетъ вліяніе и т. д. Мы тогда же указывали, что способы распространенія «Извѣстій», «Правды» и др. тѣ же, что прежнія лжи участковыми приставами въ царское время, когда они назначали подписку на губернскія вѣдомости.

Ларинъ подтверждаетъ, что такъ происходитъ и сейчасъ:

«Намъ достаточно развѣшенное въ городѣ Кроскуровѣ, 3 января 1925 г., отпечатанное въ типографіи, «объявленіе», въ силу котораго, между прочимъ, всѣ занимающіяся лавочки промысломъ 2-го разряда обязаны выписать газету «Вѣсти ВУЦИК»а», при чемъ, какъ тамъ сказано, должны жаловаться подписываться, смотря по первой буквѣ своей фамиліи, «въ слѣдующемъ алфавитномъ порядкѣ»:

«Подписчики на А, Б, В — 5 января.
«Подписчики на Г, Д, Е, Ж — 7 янв.
«Подписчики на З, И, К, Л — 8 янв.
и т. д. до конца азбуки. При этомъ «лица, несвоевременно произведенныя подписку, будутъ оштрафованы до трехсотъ рублей». Могъ обстоятельство особой четвертой города Бора, 10 января 1925 г., установившее, что «за невыпискуукраинской газеты «Вѣсти» шесть еврейскихъ кустарей были преданы суду».

Современные записки“

КНИГА XXIII

...ренія книга «Современныхъ Записокъ» — на рѣдкость удачна. Такъ ... что, какъ въ смыслѣ богатства ...ванія, такъ и — качества матеріала могла бы удовлетворить требованіямъ эпохи расцвѣта толстыхъ журналовъ въ Россіи. Въ извѣстномъ — «кусочка Россіи» — это ...ное огромное. Но особенно замѣчательно то, что и многіе авторы ... могли бы удовлетворить требованіямъ эпохи расцвѣта толстыхъ журналовъ въ Россіи. Въ извѣстномъ — «кусочка Россіи» — это ...ное огромное. Но особенно замѣчательно то, что и многіе авторы ... могли бы удовлетворить ... что и въ «Русской Мысли», ... Европы», «Міръ Божій» ...

Это послѣднее обстоятельство и радуетъ, и печалитъ. Радуетъ, что мы имѣли рядъ убѣдительныхъ неоспоримыхъ примѣровъ расцвѣтанія творческихъ русскихъ талантовъ, выпущенныхъ отсрочки Шмелевъ, Ремизовъ, Зайцевъ, Ходасевичъ — всѣ они работаютъ, какъ работали и писали ранѣе, и поскольку рѣчь идетъ объ произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ ... книгѣ нашего сборника — ...ки толстаго журнала, то можно ... нисходящія ... Но и печалитъ ... Ослабѣла ... Отсутствіе ... отсутствуетъ, отвѣщаетъ, ... старые имѣли ... замѣчательно, то ... на ней ... трудно. Особенно ... Алданова. Его собственно ... нельзя ... отнести ... ни къ «новымъ». Онъ ... еще до революціи, но ... точнѣе историческимъ ... ограничить ... кажется лишь ... Алданова, однако, проходящія ... произведеніе, которое далеко ... особенно убѣдительнымъ. Вся ... литературная индивидуальность — ... скорѣе интернаціональна, чѣмъ національна. Какъ писатель, онъ — столько же французъ, сколько и русскій — быть можетъ, даже больше французъ, чѣмъ русскій. Онъ вовсе не нуждается въ ... первомъ ... національномъ ... какъ въ необходимой атмосферѣ для работы. Его стимулы — иные. Въ творчествѣ его постоянно сказывается ... мастерства ... европейскаго. А вѣдь есть ... которые ... распускаются именно въ экзотической почвѣ...

Поэтъ И. Бунинъ «Мнѣ любовь» ... тогда бы ... и въ Россіи. Время и мѣсто дѣйствія — довоенная Москва — обѣ эпохи ... и ... Какъ всякое ... художественное произведеніе ... Бунинъ ... ранѣе были и знаки. И Мнѣ, и Кляузовъ ... Общественно-бытовая ... ...

Ремизовъ, какъ всегда, поглощенъ ... Мнѣ ... Ремизовъ ... ...

А. Ходасевичъ, какъ всегда, ...

Поэтъ Бунинъ еще не конченъ, но достаточно и первой его поэмы, чтобы ... лишній разъ ... мастерство Бунина. Герои его поэзіи — не только живые люди, но и въ то же время синтетическіе образы.

Если въ поэзіи Бунина ... ...

Большой историко-литературный интересъ представляетъ воспоминанія В. Ходасевича о Брюсовѣ. Авторъ ... ...

«Чувство равенства, — пишетъ В. Ходасевичъ, — было Брюсову совершенно чуждо». «Онъ не любилъ людей, глядѣлъ — не узнавалъ ихъ». Его ... ...

Ходасевичъ правъ по существу, же — едва ли. Трудно провести четкую грань, между воспоминаніями и «критикой», когда одинъ поэтъ пишетъ о другомъ. Въ очеркахъ Ходасевича разбросаны отдѣльныя критическія замѣчанія — и весьма цѣнныя для уразумѣнія творческой физіономіи Брюсова. Очень мѣтко замѣчаніе Ходасевича, что главная острота первыхъ стиховъ Брюсова заключается въ сочетаніи декадентской экзотики съ простодушнѣйшимъ московскимъ мѣщанствомъ... Тропическія фантазіи — на берегахъ Яузы, перешедшія всѣхъ обывателей — въ районѣ Срѣтенской части».

Но если Ходасевичъ все же не успѣлъ отъ соблазна «крички», то приходится сожалѣть о томъ, что онъ болѣе подробно не остановился на эволюціи поэтическаго мастерства Брюсова. Какъ бы непріятелъ ни былъ его моральный обликъ и каковы бы ни были его чисто литературные недостатки ему все же утвержаю нѣкоторое мѣсто въ исторіи русской литературы, а, можетъ быть, даже «двѣ строчки въ исторіи всеобщей литературы», о чемъ мечталъ Брюсовъ. Мы знаемъ другихъ русскихъ писателей, моральныя и политическая физіономія которыхъ не была безукоризненной, но это не мѣшало спокойно и объективно оцѣнивать ихъ творчество. Брюсовъ достоинъ оцѣнки не только какъ человѣкъ, но и какъ поэтъ.

Разнообразны и интересны также и другіе обычные отдѣлы журнала: Публицистика (К. Гроссмаль — «Пробуждающійся Китай»; С. Маковъ — «Новый земельный строй въ Чехословакіи»; С. Гессенъ — «Проблемы правового соціализма»; Ф. Степунъ — «Мысли о Россіи»; М. Вишнякъ — «Русскій Соціализмъ и Государство» и В. Гальпъ — «Шкрабъ»); Культура и Жизнь (З. Гиппіусъ: «Новь»; М. Цетлинъ — «Объ Анатолѣ Франсѣ»; А. Левинсонъ — «О скульптурѣ — Творчество Майоля» и В. Ф. М. — «Вѣшняя политика Грузіи») и библіографія.

М. Бенедиктовъ